

для дворянина поведение.⁶⁹ Лишь немногие развивали «катонское амплуа» в сюжет, доводили это поведение до рокового конца.⁷⁰ Вероятно, гибель Радищева должна была восприниматься как героическая смерть в духе Катона.⁷¹

Хотя М. В. Сушков озаглавил свою повесть «Российский Вертер», мы можем сказать, что образцом его реального поведения служил не Вертер, а Катон. В письме к Михаилу Храповицкому он просит решительно не посчитать его «обезьяною Вертера, а еще менее безумным», чем он старается предотвратить истолкование своего поступка как подражание Вертеру. Образ Вертера ассоциировался с такими чертами, которые Сушков не хотел придавать собственному облику. Вертер — сентиментальный любовник, водимый страстями, иррациональные мотивы которого близки к безумию. В противоположность этому Сушков хочет представить свой поступок хорошо обдуманым шагом, итогом рациональных, бесстрастных рассуждений. Показательно, что в своих письмах он избегает всякого намека на любовную историю и чувства считает «слабостями». Шутливый тон должен был служить доказательством его равнодушия к смерти. Упомянув имя своего образца, Сушков рассчитывал, что его поступок будет истолкован именно как следование Катону.

Однако его современники не восприняли поступок Сушкова так, как сам он, кажется, того желал. Они видели в нем нарушение благопристойности, признак болезни или, как предвидел сам Сушков, дело дьявольское. Последним образом, т. е. по традиционной христианской знаковой системе, понимает и оценивает его Н. Н. Бантыш-Каменский. Он связывает самоубийство Сушкова с концом Иуды: по преданию, Иуда покончил повешением. Способ, якобы употребленный Иудой, оценивался и во времена Рима (т. е. время раннего христианства), и в XVIII в. как неблагородный. Если способ самоубийства у Сушкова должен был восприняться знаком, то факт, что он повесился, представляет собой проблему. Ведь, как Сушков пишет в одном из своих писем, он располагал пистолетами. Почему он их не употребил? Может быть, он боялся, чтобы его не поставили на одну доску с застрелившимся Вертером. Или веревка — традиционное средство самоубийства для бедных — должна была подчеркнуть его (относительную) бедность. Также возможно, что Сушков хотел уподобить свое самоубийство недавно описанному им

⁶⁹ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 48—49.

⁷⁰ В революционной Франции обстоятельства способствовали сюжетности героического поведения; здесь часто происходили самоубийства по образцу римских героев. Героическим самоубийством покончили все руководители партии жирондистов. Знаменитое самоубийство Борепэра, коменданта осажденного роялистскими войсками города Вердена, 1 сентября 1792 г. во многом повторило историю Катона. Книгу Сенеки, открытую у похвалы о самоубийстве Катона, нашли возле трупа покончившего с собой генерала Пишегру (1804 г.).

⁷¹ Лотман Ю. М. Избр. статьи. С. 262—267. Подобный подвиг представлял себе Адам Люкс, намереваясь застрелиться на трибуне французского национального собрания, чтобы придать убедительность своей речи о преступности революционных лидеров. Подвиг не состоялся. Смерть Адама Люкса на эшафоте в 1793 г. явно спровоцирована им самим.